А.А. Головина

Обзор материалов круглого стола на тему «Юридическая догматика в современном российском правоведении», состоявшегося в Московском институте государственного управления и права

В Московском институте государственного управления и права состоялся круглый стол № 11, продолжающий традицию проведения круглых столов, посвященных наиболее значимым проблемам современного российского правоведения. Выбранная на сей раз тема вновь позволила затронуть самые разные аспекты теоретико-методологического фундамента юридической науки, объединить творческий потенциал различных ученых в исследовании юридической догматики, ее ключевых понятий и концепций. По итогам круглого стола была издана коллективная монография[1].

В ходе круглого стола д. ю. н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Т. Н. Радько** (профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина) и к. ю. н. **А.А. Головина** (старший научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) представили доклад на тему «Доктринальные проблемы исследования системы права в постсоветский период». В нем авторы отметили, что сегодня в российской научной литературе обсуждается вопрос об отраслевом статусе около девяноста правовых образований, среди которых акционерное право, банковское право, военное право, жилищное право, избирательное право, инвестиционное право, информационное право, исполнительное право, медицинское право, налоговое право, нотариальное

[1] Юридическая догматика в современном российском правоведении: коллективная монография по итогам круглого стола № 11 в Московском институте государственного управления и права / под ред. А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2017. 184 с.

право, образовательное право, парламентское право, полицейское право, потребительское право, прокурорское право, промышленное право, профсоюзное право, рекламное право, регистрационное право, служебное право, спортивное право, страховое право, таможенное право, транспортное право, экономическое право, энергетическое право и др.

При этом используются критерии, которые являются в достаточной степени субъективными и позволяют произвольно относить к отрасли практически любую подотрасль или любой институт права. В числе этих критериев можно назвать принципы права, высокую значимость регулируемых отношений, социальную ценность, цель и задачи правового регулирования, субъекты права, объекты права, объект защиты, юридическую ответственность, наличие общей части, наличие комплексных институтов в составе отрасли, понятийный аппарат, наличие соответствующей науки, отдельной учебной дисциплины, конвенционализм в науке, устоявшиеся правовые традиции и т. д. (всего авторы насчитали в различных современных публикациях более трех десятков критериев).

В связи с этим Т.Н. Радько и А.А. Головина призвали к проведению широкомасштабной четвертой дискуссии о системе права, которая бы продолжила традиции знаменитых советских трех дискуссий о системе права и в ходе которой были бы найдены ответы на следующие основополагающие вопросы: что следует понимать под системой права с точки зрения различных концепций правопонимания, представленных в современном российском правоведении? Какие отрасли права составляют сегодня систему права? Какие подотрасли или институты (комплексные межотраслевые институты) имеют в настоящее время наилучшие перспективы для формирования на их базе в будущем самостоятельных отраслей права? Какими объективными критериями сегодня может пользоваться юридическая наука для выявления отраслевого строения системы права? Что представляют собой на сегодняшний день различного рода вторичные, третичные и другие структурные образования внутри системы права, имеющие комплексный характер?

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права **А.Г. Чернявский** в своем докладе «Рассуждения о формировании правовой догматики в общественной формации» выразил мнение, что последняя цель науки всегда была и остается одна и та же. Она состоит в удовлетворении потребностей, которые создаются жизнью. Наука служит жизни. Все науки возникли на почве ежедневной практики, будучи сначала только приведенными в некоторый порядок искусством. Именно практические потребности толкали умственную деятельность. Найденные знания о том, от чего зависело удовлетворение потребностей, составляли зародыш науки. Автор подчеркнул, что чем дальше шло развитие мысли, тем смелее и шире становилось ее стремление и тем меньше руководил ее движением непосредственный практический интерес.

Таким образом, делает вывод А.Г. Чернявский, деятель науки сосредоточивал более и более свой интерес на изучении законов явлений, то есть на изучении постоянных отношений, которые существуют между явлениями природы. По-прежнему наука служила жизни, существовала для нее, но форма, в которой выражается непосредственно деятельность ученого, стала иной: «наука для науки».

По убеждению автора, последняя цель науки состоит в служении многообразным требованиям жизни. Но лучший путь, которым эта цель достигается, есть путь чистой любознательности. Задача науки заключается в определении законов, по которым происходят явления, а также, указывая цели практике и следуя научным выводам, и в комбинировании средств для достижения избранных целей. Кроме того, сам выбор цели должен происходить под руководством науки.

Также в докладе были освещены проблемы идеи права, ее сущности и происхождения в соотношении государства и общих свойств человеческой природы, проблема разума с его свойством понимания и руководящими идеями, проблемы поиска новых методологических подходов в отечественной юридической науке, проблемы социальных оснований права и др.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, заслуженный юрист РФ **И.Л. Честнов** представил доклад «Юридическая догматика в постклассическом измерении». Как считает автор, сегодня классическая юридическая догматика, как и аналитическая теория права, столкнулась с серьезными методологическими трудностями и, по его мнению, нуждается в переосмыслении в связи с теми изменениями, которые в настоящее время происходят в науковедении, философии, мировоззрении.

Во-первых, юридическую догматику невозможно обосновать методами самой юридической догматики. Для этого требуется выход в метасистему, например в концепцию естественного права или социологию права. Во-вторых, главные претензии в адрес классической юридической догматики сегодня звучат со стороны практиков. Действительно, многие положения, излагаемые в традиционных учебниках по теории права и даже по отраслевым юридическим дисциплинам, страдают оторванностью от нужд практики и напоминают рассуждения средневековых схоластов. В-третьих, юридическая догматика не в состоянии разрешить парадокс полноты и непротиворечивости или формальной определенности системы права. Серьезной проблемой автор считает наличие или отсутствие логических связей между «теориями среднего уровня».

В качестве постклассической программы переосмысления классической юридической догматики автор предлагает следующее. Во-первых, необходимо признать сконструированность догмы права, а не ее данность. Во-вторых, догма права должна быть вписана в контекст правовой культуры. Именно

правовая культура задает содержание права и определяет специфику содержания функционирования правовых институтов. В-третьих, анализ догмы права должен быть проведен с точки зрения конкретных юридических практик. Для этого необходимо провести редукцию соответствующего правового института к практикам конкретных субъектов — людей, носителей соответствующих правовых статусов.

Автор подчеркивает, что постклассический подход не отрицает необходимость юридической догматики, но предполагает необходимым ее включение в социокультурный контекст (признание относительности), знаково-прагматическую опосредованность, сконструированность, прагматическую реализацию практиками.

Кандидат юридических наук, доцент **Е.Е. Веселкова** для доклада выбрала тему «Система правовой защиты иностранных инвестиций и гарантии прав иностранных инвесторов». В докладе автор отмечает, что на текущем этапе развития международного инвестиционного сотрудничества многие государства придают особое значение роли международных соглашений, относящихся к регулированию иностранных инвестиций, более того, в силу конституционных положений в большом количестве стран нормы этих соглашений и принципы международного права имеют преимущественную силу. В условиях глобализации мирового хозяйства первостепенную роль в создании благоприятного инвестиционного климата в странах с переходной экономикой приобретает введение и соблюдение условий и требований международных стандартов.

В сложившихся условиях считается, что двусторонние международные договоры по гарантиям инвестиций являются наиболее надежным способом регулирования трансграничного движения капитала, поскольку именно в этих соглашениях формулируются исходные принципиальные положения, определяющие межгосударственное инвестиционное сотрудничество.

Автор предлагает собственное определение, отмечая, что правовую защиту иностранных инвестиций можно определить как совокупность правовых мер по привлечению, охране и поддержке зарубежных капиталовложений на основе международных договоров и национального законодательства страны, принимающей иностранные инвестиции.

Е.В. Сидорова, научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, советник юстиции 3 класса, подготовила доклад на тему «Пределы комплексного правового регулирования». В нем автор обосновывает, что пределы комплексного правового регулирования — те границы, в рамках которых осуществляется данное правовое регулирования. Нормативная модель комплексного правового регулирования как сложной целостности создается на первичном материале, в частности задействуются регулятивные нормы различных отраслей права. Это требует взвешенного, дифференцированного подхода к проблеме развития правового регулирования, к определению пределов размежевания разных норм права.

Автор выделяет три точки зрения на определение пределов комплексного правового регулирования. К первой точке зрения в юридической литературе можно отнести мнения о том, что нормы комплексного правового регулирования могут подчиняться общим нормам и принципам однородного правового регулирования (публично-правового и частноправового регулирования) (С.С. Алексеев, Е.А. Киримова, С.В. Поленина, М.Н. Марченко, В.Ф. Яковлев, М.И. Брагинский, В.Н. Литовкин и др.). При этом Е.В. Сидорова не согласна с позицией авторов, в соответствии с которой нормы материальных отраслей права, объединяясь в соответствующей сфере деятельности, составляют нормы комплексного правового регулирования, оставаясь при этом нормами иной отраслевой принадлежности. Согласно второй точке зрения, выделенной автором, нормы комплексного правового регулирования не могут быть отнесены ни к публично-правовому регулированию, ни к частноправовому регулированию (Д.Е. Петров, В.В. Залесский и др.). В соответствии с третьей точкой зрения разнородные нормы права могут приспосабливаться к специфике комплексного правового регулирования (В.Н. Протасов, В.М. Сырых, М.К. Сулейменов, С.А. Боголюбов и др.).

Автор приходит к выводу о том, что пределы комплексного правового регулирования характеризуются тем, что:

– нормы конкретизируются применительно к специфике комплексных правоотношений и действуют только в их пределах;

– нормы применяются субсидиарно к отношениям, возникающим из определенного объекта;

– нормы применяются к конкретной или к некоторой выбранной группе отношений в одной из их сфер деятельности;

– нормы регулируют отношения, не совпадающие с теми видами отношений, которые формируются иными отраслями права.

А.Н. Писарев, профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, д. ю. н. в докладе на тему «Понятие, система и виды источников муниципального права» отметил, что до настоящего времени в федеральном законодательстве отсутствуют официальное определение и перечень нормативных правовых актов. По этим причинам проблема, связанная с системно-правовым исследованием нормативного правового акта в качестве источника не только муниципального права, но и в целом всего российского права, до настоящего времени представляется актуальной.

Автор предложил следующее определение: источник муниципального права — акт нормативного характера, регулирующий муниципально-правовые отношения и имеющий определенную публично-правовую форму выражения муниципально-правовых норм, которая указывает на его юридическую силу и соответственное место в системе (иерархии) таких источников.

Также автор подчеркнул, что и в отечественной, и в зарубежной литературе на основе анализа реальных процессов в мировом правовом пространстве

можно отметить сближение правовых систем в условиях глобализации, что проявляется в системе источников как российского права в целом, так и муниципального права в частности. Автор обосновывает тезис, что к числу источников муниципального права России, характерных для англосаксонской системы права, можно отнести:

1) исторические и иные местные традиции и обычаи, на обязательный учет которых при осуществлении местного самоуправления указывает Конституция Российской Федерации 1993 г. (ст. 131), а также Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (п. 2 ст. 1);

2) договоры и соглашения в области местного самоуправления, предусмотренные в качестве источника муниципального права указанным федеральным законом;

3) Судебные акты (решения), содержащие нормативные предписания по вопросам организации местного самоуправления.

Д.А. Пашенцев, д. ю. н., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета в своем докладе остановился на теме «Некоторые аспекты использования категории “юридическая доктрина”». В частности, автор отметил, что категориально-понятийная составляющая современного отечественного теоретического правоведения переживает своеобразный многоаспектный ренессанс, отличаясь при этом как глубиной отражения в юридической терминологии феноменов права, онтологии правового бытия, так и авторской презентацией новых смыслов для уже устоявшихся юридических категорий, расширением предметных полей, содержание которых выражается в этих типичных (классических) терминах.

По мнению Д.А. Пашенцева, не следует спешить с негативным восприятием догматической составляющей феномена доктринальности, ибо термин «догма» в юридической науке можно ассоциировать с такими понятиями, как «правовые аксиомы», «правовые правила (принципы)». Автор обосновывает точку зрения, согласно которой юридический догматизм, в условиях современного хаотичного бытия России, не менее актуален для нас, чем правоприменительное творчество, особенно для субъектов, не усвоивших классических догм права и недостаточно компетентных в сфере теоретического правоведения.

Также было отмечено, что юридическую доктрину нельзя представить без наличия в ее структуре теоретико-концептуального ядра. Но если в той или иной теории собственно теоретическая (концептуальная) составляющая описывается предельно системно и детализированно, то в юридической доктрине она представлена в концентрированном виде. В содержании, в структуре юридической доктрины в большей степени, чем в юридической концепции (юридической теории), представлены, отражены ее цели, задачи, функциональное содержание, и, как правило, обозначаются, хотя бы кратко, механизмы, ресурсы реализации тех или иных доктринальных положений. Доктрина отличается также своей повышенной легитимностью.

По мнению **И.И. Овчинникова**, д. ю. н., профессора кафедры конституционного и административного права Высшей школы экономики, выраженном в его докладе на тему «Конституционно-правовая природа и сущность власти местного самоуправления», муниципальная власть — это власть особого рода, она не является простым продолжением государственной власти на местах, но имеет ряд признаков, присущих государственной власти. К таким признакам автор отнес следующие: наличие системы публичных институтов; наличие аппарата, осуществляющего властные функции; непрерывность реализации во времени и универсальный характер; наличие законодательной основы деятельности, ее правовой характер; территориальная юрисдикция, т. е. распространение обязательности ее решений на любых субъектов, находящихся на соответствующей территории; возможность обращения для обеспечения своих действий и решений к государственному аппарату принуждения; экономическая основа, включающая возможность принудительных финансовых изъятий (местных налогов) и наличие централизованного фонда финансовых ресурсов (местного бюджета).

Вместе с тем автор выделяет также и ряд признаков, отличающих муниципальную власть от государственной власти, в их числе: отсутствие строгой иерархии и соподчиненности органов местного самоуправления различных муниципальных образований; негосударственная природа органов местного самоуправления, невхождение их в систему органов государственной власти; наличие установленного законом круга вопросов, относящихся к их ведению, но не относящихся к ведению государства, — вопросов местного значения; наличие собственной ресурсной базы (которую государство не вправе присваивать).

В заключение автором было предложено следующее определение: публичная муниципальная власть — это основанная на власти многонационального народа Российской Федерации власть неполитическая, самостоятельная, подзаконная, универсальная, осуществляемая населением муниципального образования непосредственно и (или) органами местного самоуправления, в соответствии с установленной законом и уставом муниципального образования компетенцией по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, с возможностью применения для обеспечения реализации своих решений предусмотренных законодательством мер принуждения и ответственности.

Наконец, в докладе **Е.М. Крупени**, доцента кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ, к. ю. н. на тему «Об эвристических ресурсах правовой догматики (на примере теоретико-правового анализа статусного публичного права)» было отмечено, что «статусное публичное право» — это понятие, которое используется для обобщенного обозначения статусов человека в сфере публичного права. При этом основные характеристики статусного публичного права раскрываются в контексте воззрений на человека (гражданина) не как на носителя безличного статуса, а как на социокультурную переменную величину и творца публично-правовых

явлений и процессов, качество которых определяется уровнем правосознания, правовой культуры человека и его публично-правовой активностью. Статусное публичное право по своей юридической природе позиционируется в качестве межотраслевого института.

По мнению автора, по результатам теоретико-методологического анализа статусного публичного права необходимо признать, что юридическая догматика не исчерпала своего методологического значения, по крайней мере в качестве научной методологии для разработки частных юридических проблем. А выработанные на этом методологическом базисе решения позволяют укрепить связь общей теории государства и права с отраслевыми юридическими дисциплинами.

Подводя итоги круглого стола, можно констатировать, что состоялась плодотворная научная дискуссия, в ходе которой нашли отражение различные точки зрения как на общетеоретическое понимание сути и значения юридической догматики, так и на различные векторы ее применения в отраслевых юридических науках.